

Хань Сюэцин сжал в кулаке розовое платье, на котором красовалось пятно от чая, и его пальцы едва не прорвали шелковую ткань. Темно-бурый след на подоле казался ему воплощением взглядов, брошенных на него на празднике цветов — любопытных, насмешливых, а также того холодного, пронизывающего взгляда старшей сестры Ли. Он поспешно скомкал платье, запихнул его в самый нижний ящик комода и, вытащив из изножья кровати тяжелую деревянную подушку, с глухим стуком водрузил её сверху. Казалось, так он сможет запереть не только пятно, но и ту невыносимую неловкость, от которой у него до сих пор горели уши.

Однако, обернувшись, он краем глаза заметил на краю кровати синий тканевый сверток. Он слишком хорошо знал эти стежки — их сделала госпожа Лю перед самым отъездом, вышив по уголку маленькую веточку орхидеи. Сердце Хань Сюэцина пропустило удар. Он протянул руку, коснулся ткани и сразу почувствовал очертания твердых предметов внутри. Глубоко вздохнув, он развязал узел, и аромат османтусового печенья, которое он только что проглотил, чуть не вызвал у него приступ кашля. Внутри аккуратно лежали три специальных утягивающих корсета: розовый, белый и нежно-лиловый. Самый верхний, розовый, имел предательскую прореху на месте застежки — нитки разошлись так сильно, что стоило потянуть, и она бы отвалилась. Это был тот самый корсет, который он в спешке спрятал после досадного происшествия у пруда Хуаньлин.

— Кто же додумался вытащить это и постирать? — пробормотал Хань Сюэцин, глядя на оторванную застежку. У него дернулся глаз. С тех пор как на проверке осанки эта штука едва не вывалилась у него из-за пазухи, он засунул её на самое дно сундука и старался не вспоминать о её существовании. Но Линь Ванэр теперь дважды в день твердила о повторном тесте, а запись старшей сестры Ли в журнале — плоская грудь, плохая осанка — до сих пор висела на доске объявлений в тренировочном зале. Если он снова оплошает, то может лишиться статуса внутреннего ученика, не говоря уже о лечении Синдрома ледяных меридианов в Секте Чистого Сердца.

Он как раз ломал голову над тем, что делать с корсетами, теребя пальцами разошедшуюся застежку, когда снаружи раздался звонкий голос Су Лин:

— Младшая сестра, ты в комнате? Я принесла тебе свежих каштановых пирожных из столовой.

Хань Сюэцин перепугался, словно пойманный с поличным вор. Он поспешно запихнул корсеты обратно в сверток, даже не утруждая себя завязыванием узла, и сунул его под кровать в деревянный ящик. Щели под кроватью были узкими, и он для верности прикрыл их мягкой туфлей с вышитыми облаками. Убедившись, что с порога ничего не видно, он хлопнул себя по груди, напустил на лицо спокойствие и отворил дверь:

— Старшая сестра Су, как ты здесь оказалась? Проходи, присаживайся.

— Ты так поспешно убежала с праздника цветов, лицо у тебя было неважное, вот я и забеспокоилась, не захворала ли ты, — Су Лин вошла, держа в руках лакированный поднос, на котором дымились шесть каштановых пирожных, присыпанных тонким слоем сахарной пудры. Её взгляд небрежно скользнул под кровать и задержался на криво лежащей туфле, но она не стала расспрашивать. Поставив поднос на стол, она улыбнулась: — Тетя Чжан из столовой добавила в них медовый сахар, говорят, он успокаивает сердце. Попробуй? Кстати, то розовое платье, что было на тебе, испачкалось в чае. Если самой отстирать трудно, у меня в комнате

есть очищающая вода, за полчаса любое пятно выведет. Давай я заберу его?

Хань Сюэцин поспешно затряс головой, машинально отодвигаясь от края кровати:

— Не нужно, не нужно! Я сама справлюсь. Садись, сестра, угощайся пирожным. — Он протянул ей лакомство, пытаясь перевести тему, но мысли его были заняты свертком в ящике, и даже сладкий вкус пирожного показался ему пресным.

Су Лин приняла пирожное, но не стала есть, лишь коснулась пальцами его температуры. Она подняла глаза на Хань Сюэцина, и в её взгляде читалась понимающая улыбка:

— Младшая сестра, ты что-то от меня скрываешь? С самого праздника места себе не находишь, а перед тем как открыть дверь, что-то прятала?

Лицо Хань Сюэцина вспыхнуло, словно его обдало паром от пирожных, даже уши покраснели. Он теребил край одежды, голос его дрожал:

— Ничего я не прятала! Просто... старые вещи. Ткань протерлась, некрасиво, не хотелось, чтобы ты смеялась.

— Разве над старыми вещами смеются? Мы, совершенствующиеся, не гонимся за роскошью, — Су Лин отложила пирожное, встала, подошла к кровати, отодвинула туфлю и вытянула сверток. Она помахала им в воздухе и рассмеялась: — Утром, когда прибиралась, я заметила краешек ткани. Думала, ты случайно уронила, хотела вернуть, а ты, оказывается, так тщательно его прятала.

Хань Сюэцин едва не подпрыгнул на стуле, пытаясь выхватить сверток, его голос сорвался на фальцет:

— Сестра, не открывай! Это...

Но он не успел договорить. Су Лин уже развязала узел. Увидев аккуратно сложенные корсеты, она сначала замерла, но тут же её недоумение сменилось мягкой улыбкой:

— Так это всего лишь они? А я-то думала, какое сокровище. Ты что, с застёжками не справляешься? Смотри, у этой розовой застёжка треснула, нитки разошлись, конечно, ты боишься, что она отвалится.

Уши Хань Сюэцина горели, ему хотелось провалиться сквозь землю. Он опустил голову, голос его звучал тише комариного писка:

— Мне... мне просто кажется, что они сильно сдавливают, неудобно, вот я и не ношу.

— Неудобно, потому что нитки не закреплены как следует, — Су Лин взяла корсет, поднесла к глазам и потянула за свободный конец нити. — Видишь, стежки слишком мелкие, всего в две линии, при малейшем движении все расходится. Моя матушка была известной портнихой в

городе, я пять лет у неё училась. Я сейчас всё исправлю, будет крепче прежнего, и давить ничего не станет.

Хань Сюэцин резко поднял голову, в его глазах читалось изумление:

— Сестра, ты умеешь шить? Я думал... — он осекся, понимая, что его мысли неуместны. Су Лин всегда была такой решительной и статной, когда упражнялась с мечом, что он подсознательно решил, будто она не способна на столь кропотливый труд.

— Думала, я только мечом махать умею? — Су Лин рассмеялась, и её глаза превратились в полумесяцы. — Дома я после тренировок всегда помогала матушке шить одежду и вышивать платки. Соседская девушка выходила замуж, так я помогала ей вышивать феникса на свадебном наряде. Жди здесь, я принесу шкатулку, за полчаса управлюсь.

Она развернулась и вышла, легкая, как весенний ветерок. Хань Сюэцин смотрел ей вслед, сжимая в руке надкушенное пирожное, и чувствовал, как внутри разливается тепло. Он не ожидал, что Су Лин не только не станет расспрашивать, зачем ему женское белье, но и сама предложит помощь. Эта забота заставила его нервы расслабиться, а неловкость почти исчезла.

Через мгновение Су Лин вернулась с алой шкатулкой. Она открыла её: внутри лежали разноцветные нити, серебряные иглы, наперстки, ножницы и катушки хлопковой нити. Су Лин расстелила розовый корсет на столе, подобрала подходящую нить, умело вдела её в иглолку и принялась за работу. Движения её были точными, она слегка прищуривалась, а на губах играла легкая улыбка. Игла мелькала в её пальцах, стежки ложились ровно и надежно, даже узлы были спрятаны так, что не придерешься.

Хань Сюэцин наблюдал за ней, сидя на бамбуковом стуле. Старшая сестра Су не только добрая, но и такая мастерица. Если она когда-нибудь узнает, что он — мужчина, переодетый женщиной, сочтет ли она себя обманутой? Разозлится ли? Он тут же отогнал эту мысль — сейчас не время для таких раздумий, важнее всего пройти тест. Он протянул Су Лин пирожное:

— Сестра, перекуси немного, не утомляй себя.

Су Лин откусила кусочек:

— Младшая сестра, а это ткань Юньцзинь? Внизу, в городе, такой отрез стоит десять серебряных. Очень мягкая, к телу приятная, но прочности не хватает, застежки быстро протираются. Я сделаю несколько крестообразных стежков вокруг застежки и укреплю хлопковой нитью, теперь даже при активных движениях с мечом она не отвалится.

Хань Сюэцин кивнул, преисполненный благодарности:

— Спасибо, сестра, ты так добра. Если бы я сама взялась, только бы всё испортила. — В детстве он учился шить у госпожи Лю, но каждый раз колол пальцы, а результат выходил таким кривым, что смотреть было больно.

— О чем речь, живем в одном дворе, должны помогать друг другу, — улыбнулась Су Лин, не прекращая шить. — Кстати, тебе не кажется, что воротник слишком тугой? Я видела, как ты дергалась, когда примеряла. Если хочешь, я могу расширить его на полдюйма, чтобы дышалось легче.

Хань Сюэцин испуганно замахал руками:

— Нет-нет! Так очень хорошо, правда, не стоит беспокоиться! — Он не мог позволить ей менять воротник: внутри была проложена тонкая шелковая вата, которую госпожа Лю добавила, чтобы грудь казалась пышнее. Если Су Лин распорет воротник, она раскроет его секрет.

Су Лин лишь на мгновение взглянула на него с легким недоумением, но расспрашивать не стала:

— Хорошо, тогда просто укреплю застёжки. — Она снова склонилась над работой. Солнечный свет, пробиваясь сквозь решетку окна, золотил её волосы, а игла в руках поблескивала, словно кончик меча во время тренировки.

Прошло полчаса. Су Лин отложила иголку, встряхнула корсет и с улыбкой протянула его Хань Сюэцину:

— Готово. Посмотри, я еще вокруг застёжек вышила маленькие цветы бегонии, так красивее. Примерь, если что-то не так, я подправлю.

Хань Сюэцин коснулся пальцами аккуратных стежков. Цветы бегонии были вышиты так искусно, что казались живыми, а тычинки были подчеркнуты золотой нитью. Стало куда лучше, чем было. Но мысль о том, что придется примерять это при Су Лин, снова вогнала его в краску:

— Я... я схожу в отдельную комнату, быстро вернусь.

Он скрылся за дверью, глубоко вздохнул и принялся переодеваться. Как только он надел корсет, то сразу почувствовал разницу: застёжки держались крепко, не то что раньше. Однако, поправив воротник, он понял, что тот всё еще давит, затрудняя дыхание.

— Младшая сестра, ну как? Удобно? — раздался за дверью голос Су Лин.

— Удобно! Спасибо, сестра, ты просто чудо! — Хань Сюэцин поправил воротник, стараясь говорить как можно естественнее, и открыл дверь.

Су Лин улыбнулась:

— Хорошо, что подошло. Я тут посмотрела, у двух других корсетов застёжки тоже слабые, я их тоже укрепила и добавила узоры. Посмотри, нравятся? — Она достала из шкатулки белый корсет с вышитыми жасминами и лиловый — с орхидеями.

Хань Сюэцин был тронут до глубины души:

— Спасибо, сестра, это так красиво... Мне очень нравится.

— Главное, что тебе по душе, — Су Лин закрыла шкатулку и встала. — Поздно уже, не буду тебе мешать. Завтра рано вставать на тренировку, ложись спать. Если что-то понадобится — зови.

Хань Сюэцин кивнул и проводил её до ворот. Вернувшись в комнату, он бережно сложил корсеты в сверток, положил его в верхний ящик, подстелив чистую хлопковую ткань. Глядя на вышитую госпожой Лю орхидею, он пообещал себе: если Су Лин когда-нибудь понадобится помощь, он приложит все силы, чтобы отплатить ей тем же.

Он не знал, что Су Лин, вернувшись в свою комнату, сидела в задумчивости. Она вертела в руках нитку, вспоминая детали: корсеты были на размер больше, чем нужно обычной девушке, а слой шелковой ваты — подозрительно толстым. И почему он так отчаянно не хотел менять воротник?

— Какой секрет ты скрываешь, младшая сестра Сюэцин? — прошептала она. — Ты выше ростом, голос ниже, и одежда такая странная... — Она покачала головой, отгоняя сомнения. — Раз ты не хочешь говорить, я не буду спрашивать. Буду внимательнее, со временем всё пойму.

Хань Сюэцин же, ничего не подозревая, радовался решению своей проблемы. Умывшись, он лег в постель и вскоре уснул. Ему снилось, что он проходит тест на осанку в розовом корсете, и старшая сестра Ли, вместо того чтобы писать о плохой осанке, хвалит его за грацию. Он так обрадовался, что подпрыгнул, споткнулся о подол и с грохотом рухнул на пол.

— Ой! — Хань Сюэцин вскрикнул от боли и распахнул глаза. Он лежал под кроватью, сжимая в руках тот самый розовый корсет. Потирая ушибленный лоб, он невольно рассмеялся.

— Говорят, что на уме, то и во сне, — пробормотал он, глядя в потолок. Он знал: путь переодевания будет долгим, и впереди еще много неловких моментов. Но поддержка Линь Ванэр, помощь Су Лин, наставления учителя Лин Ханя и старшей сестры Чу Юньси придавали ему мужества.

— Всё обязательно наладится, — прошептал он про себя. — Пока я остаюсь в Секте Чистого Сердца, лечу меридианы и стремлюсь стать настоящим внутренним учеником, я преодолею любые трудности.

Он закрыл глаза с легкой улыбкой и снова погрузился в сон. На этот раз ему снилось, как они вместе с Линь Ванэр и Су Лин тренируются в зале, залитом ярким и теплым солнечным светом.